

Человек и кукла

Провинция понятие не географическое — духовное. Так, пожалуй, можно было коротко сказать о впечатлении, которое оставили постановки Московского театра кукол, когда два года назад довелось впервые познакомиться с его работой. О том, что на Спартарковской улице работает такой театр, знают далеко не все москвичи. Если кому и доводилось смотреть его постановки, так это маленьких жителей столицы. Но шли они в МТК, так сказать, поневоле. Не сумев достать билет в престижный Государственный Академический центральный театр кукол под руководством С. Образцова, они смирились с непрестижным МТК, довольствовались, как говорится, малым.

Театр разговаривал с ребенком заигрывая, он все время как будто норовил присесть на корточки и засунуть ему в рот убаживающий леденец. Зал смеялся, когда шишки называли фишками, а герои обзывали друг друга кегелью. Со сцены неслись стишки (стихами их, назвать нельзя даже с натяжкой), положенные на современные шлягерные мелодии. Нередко встречались и откровенно пошлые образы. Театр будто намеренно, готовил почитателей самых низкопробных образцов массовой культуры.

Обо всем этом мы уже писали подробно, и не стоило бы сегодня поминать прошлое, если бы из него не выросло настоящее. Для того чтобы сейчас в полной мере понять, чего достиг театр за последние два года творческого пути, необходимо помнить, с чего этот путь начинался.

Итак, два с небольшим года назад в театр пришел новый главный режиссер — А. Хаит. Привел с собой и актеров, создав в стенах старого театра фактически новую труппу. Начали с репертуара. В нем появились имена, которых не встречая до этого московская кукольная сцена: А. Чехов, А. Куприн, С. Мрожек, В. Слазкин, Ю. Тынянов, Д. Кинсита.

Первым в ряду творческих поисков оказалась «Каштанка и слон» — музыкально-цирковое представление, придуманное З. Сагаловым и А. Хаитом по мотивам рассказа Чехова и Куприна. Спектакль зрелищен. В нем много неожиданных трюков, музыки, стихов. Но рукоплескания арены — лишь фон. На нем — совсем другая, непраздничная жизнь главных героев, в которой эти герои одиноки, в которой трудно сохранить мечту, найти верного друга.

Впервые за долгое время в этом спектакле театр заговорил с маленьким зрителем на правах хотя и старшего, но равного друга — собеседника. Это с одной стороны. С другой — «Каштанка» несомненно отразила те непростые процессы, которые происходят на детской сцене. Хорошая кукольная драматургия сегодня в большом дефиците. Потому, наверное, во многих кукольных театрах страны нередко встречаются одни и те же названия — своего рода палоч-

ки-выручалочки. Те же, кто хочет сформировать свой репертуар, нередко оказываются вынуждены перекраивать на нужные манер классические произведения или современную прозу. Так, в Башкирии поставили «Белый пароход», а Челябинске — «Мертвые души», москвичи взяли за Чехова и Куприна.

Разным театрам эксперимент удастся по-разному. Чтобы положить прозу Чехова на нужные мотивы, московским кукольникам многое пришлось придумывать и дописывать заново. Шаг был рискованный и, надо признать, не совсем удачный. Многие тексты, отдельные эпизоды, характеры так и остались существовать сами по себе, не совпадая со стилистикой классической литературы, временами упрощая созданные столетия назад образы.

На удалось избежать этого и в другом, более позднем спектакле, поставленном для старшего школьного возраста по сказке японского автора Д. Кинситы «Журавлиные перья». В этом спектакле театр следует уже найденной тональности серьезного разговора с юным зрителем. Без скидок на возрастное недопонимание говорит он с подростком об отвернутой, а точнее — проданной любви. Перекладывая старую японскую сказку на современный кукольный лад, авторы не боятся выводить старшекласников в мир символов, метафор, инскапальности. Правда, и в этом спектакле «допридуманные» сцены не всегда органично вписываются в поэтическое повествование. Нередко, например, в несколько затянутом прологе символика становится настолько сложной, что зрителю приходится упражняться в ее разгадывании, как в решении арифметических уравнений.

В смысле драматургии «Большее всего повезло, наверное, «Ключкам по закоулочкам». Эту пьесу не надо было переделывать и дописывать, она сразу же была создана Г. Остером для детского театра. Герои спектакля дошколятам хорошо знакомы: Зайка, которого Лиса выгнала из лубяной избушки, сама Лиса, Медведь, Волк. Но вот решение старой известной сказки театр предлагает свое. Он говорит о том, как трудно приходится в мире, когда слабого некому защитить, когда друзья отворачиваются, отступая перед хитростью и обманом, и как эта хитрость отступает перед истинным благородством.

Театр все время был вынужден что-то искать: свою драматургию, свое лицо, своего зрителя. Последнее оказалось не просто. Наверное, сказывается и воспитанное за долгие годы отношения москвичей к искусству кукольников как к легкомысленному, незамысловатому, понятному в любом возрасте, и недостаточная работа самого коллектива в формировании своей аудитории. Так или иначе, но нередко случалось, когда дошколята, пришедшие в зал, пытались разобраться в мире чувств, которые понятны далеко не каждому взрослому учителю. Да

и сами взрослые приходят на спектакли МТК с весьма односторонними представлениями о кукольном искусстве, ожидая увидеть обязательную ширму и куклол, что: «так похожи на людей». А здесь — ни ширмы, ни куклол. Расхаживают актеры, рядом с ними стоят муляжи, висят говорящие портреты, изредка появляются кукольные головы и руки. И мир, созданный на сцене, какой-то необычный: он и реальный, и фантастический. И жанр новых постановок МТК далек от пародий или сатиры, к которой привык московский зритель, воспитанный на спектаклях ГАЦК под руководством С. Образцова. Это скорее небольшие философские притчи, в которых за первым событийным рядом, как правило, обязательно существует ряд социальный, философский, для восприятия которых, как для восприятия симфонической музыки, нужны и определенная подготовка, и душевный настрой.

В «Подпоручике Кихе», поставленном по рассказу Ю. Тынянова, куклол в привычном понимании нет. Есть актер-рассказчик, огромные, в рост человека муляжи, оловянный солдат и император Павел — белая мантия до пола с маленькой, величиной до кулака головкой. И хотя повествование вроде бы укладывается в конкретные временные и географические рамки, зритель видит в нем всевременные проблемы страны, в которой у руля оказываются императоры с кукольными головами, а за оружие берутся оловянные солдаты.

В «Плохой квартире», поставленной по пьесе В. Славкина, тоже есть аллегории. В доведенной до абсурда, но так похожей на жизнь ситуации им становится хозяин тира. В его владениях за неимением лучшего поселилась молодая семья, чей дом пошел на снос. Квартиросъемщики быстро привыкли к тому, что над их головами свистят пули. И хозяин доволен: число посетителей тира резко возросло, им интересно смотреть, как люди выживают в таких условиях. «Плохая квартира», как говорят кукольники, спектакль «живоопламенный», главных героев в нем играют люди.

Куда же ушел МТК за эти два года? Он определенно вырвался из застойного болота и проделал путь, достаточный для того, чтобы не вспоминать сегодня о прошлых просчетах и неудачах. Кукольный ли это театр в полном смысле слова? Наверное, нет. Это театр конкретного режиссера А. Хаита, театр своего особого жанра — людей и куклол. Кого-то из профессионалов-кукольников такое соседство раздражает, куклы так легко, зачем нарушать традицию — раздаются голоса внутри коллектива. Возможно, и так. Но, думается, не требует доказательств и другое: лучше интересные, наполненные поиском спектакли с актерами на сцене, чем посредственные, но с одними куклами.

Е. РУБЛЕВА.